

30.3.01

Человек-радуга

27 марта исполнилось бы 60 лет сценаристу и режиссеру Оскару Анатольевичу Никичу-Криличевскому.

Мои товарищи по Высшим режиссерским курсам выпуска 1970 года написали о нем несколько страничек-воспоминаний.

Жаль, что следующим из наших ушел Женя Григорьев — ему, соавтору наиболее известных сценарных удач Оскара, было бы что добавить, ибо в самые трудные для Жени годы именно Оскар ненавязчиво и самоотверженно подставлял Григорьеву плечо.

В 1989 году отец Оскара, Анатолий Юрьевич Никич написал картину: «Сын и его друзья». Если бы Никич-старший не ограничил круг только кинематографическими друзьями сына, получилась бы слишком многофигурная композиция, а так нас там шестеро.

Оскара с Женей уже нет, остальным остались любовь и память. И еще досада (тут уже только о себе): на картине «с друзьями» я — вот он, а о том, что Оскар писал замечательные стихи, узнал только из воспоминаний товарищей.

Мы из неудачного кинопоколения — прорывались не вместе: время было не то, телекино, к которому нас готовили, в кинообществе считалось отхожим промыслом, в самом телевидении всерьез прорваться было непросто, если не приносить в жертву собственную совесть. Окрыляющие успехи ко многим из нас пришли позже и зачастую не там и не так, как мечталось. Не случайно четверо наших — великоленные сценаристы Григорьев, Тюрин, Голованов, Соня Давыдова — так, в сущности, до режиссуры и не добрались. И явление Оскара не состоялось так, как могло, так, как оно того заслуживало по сумме многоборья: талант-характер-душа. И может быть, еще и потому он продолжает — нерастратенный — жить в нас.

Алексей СИМОНОВ,
режиссер

На Высших режиссерских курсах мы тесно сошлись... Единственные «технари». На курсы принимали людей с высшим гуманитарным образованием. Для нас сделали исключение.

Мы выпустились в семидесятом. Шестидесятники — это не про нас... Они к тому времени уже состоялись, приобрели известность и стали нашими педагогами: Хуциев, Алов и Наумов, Ордынский... Им многое позволялось властью — испорченным, но любимым ее детям. Нам же не позволялось ничего.

Нас распределили на телевидение в творческое объединение «Экран». В это же время начальником телевидения был назначен товарищ Лапин. Он хорошо был памятен людям искусства как один из самых активных участников кампании по борьбе с космополитизмом. Партия забрала у кинематографа звание важнейшего из искусств и передала телевидению. Там был установлен особый порядок. Любого творческого работника можно было уволить по тайной статье — «идеологическое недоверие», без права обжалования в суде, без права работать в области идеологии.

Оскару в качестве дебюта дали возможность снять документальный фильм об олимпийской чемпионке по конной выездке Петушковой.

Оскар смог бы сделать такой фильм, как говорят, одной левой. Он уже на курсах стал профессионалом, целыми днями пропадал на «Мосфильме» монтировал с нашим педагогом по монтажу Татьяной Сергеевной Лихачевой, «бабой Таней», как мы ее называли, эпизоды из дублей, не вошедших в фильм «Война и мир», сидел на перезаписи у великого звукооператора Якова Харона.

От него ждали обычного фильма. И он понимал, что фильм — испытание... Начальство хочет понять, свой он или чужой. Если свой — дальше обычная престижная и обеспеченная карьера.

Он сделал другой фильм: с непривычными ритмами, непривычной музыкой... Но главное — это был фильм о драме великой спортсменки, о страстях, бередающих ее душу, ибо без этого не может быть ни великого артиста, ни великого спортсмена, ни великого строителя.

Естественно, начальству фильм не понравился. Дебютанту в грубой манере было приказано фильм перемонтировать, сделать его по известному клише. Начальство обманул улыбочивый приветливый вид дебютанта.

Впоследствии так ошибались многие. Оскар был добрый, сердечный человек, но очень твердый и принципиальный. Были

люди, которые его сильно не любили, были даже враги...

Некоторые принимали его приветливую, улыбочивую, доброжелательную манеру общения за мягкотелость и грубым напором пытались добиться своего. Их ждало глубокое разочарование. Оскар неукоснительно следовал своим представлениям о порядочности и правде и умел дать такой отпор, что даже самые отпетые наглецы терялись и лепетали извинения.

Оскар не стал перемонтировать фильм; сделал несколько поправок, которые посчитал справедливыми. Его вызывали «на ковер», на него кричали и топтали ногами, его задабривали обещаниями новой работы, Оскар упёрся.

Подходил конец квартала, студия не выполняла план. На кон было поставлено самое «святое» — квартальная премия. Теперь на него стал давить коллектив, особенно его женская часть. Ему намекали, что он лишает детей еды и одежды, стариков — тепла и покоя... Словом, всё как обычно.

Кончилось тем, что он ушёл с телевидения. Ушёл сам. Я бы так не смог.

Вадим ЗОБИН,
Заслуженный деятель искусств

Он светился и светится.

Оскар Никич из той редкой породы людей, что творят музыку жизни. Музыку надежды, преодолевающую беды.

Одним дана лишь способность таскать рояль. Другим — играть на рояле. И лишь избранным — сочинять музыку.

Никич сочетал в себе все три качества. Под стать поэтической душе, у Оскара были еще и поющие руки. Почти все умеющие. И профессии Никич владел не самыми частыми. Сначала — химик-теоретик. А затем... Кинорежиссер. Сценарист. Драматург. Литератор...

Но главный его дар — быть человеком-радугой. Радугой вдохновенной и творческой.

За 30 с лишним лет нашей дружбы (при отнюдь не сахарной жизни Оскара), я ни разу не помню его унылым, озлобленным, даже обиженным. Хотя, помимо постоянных профессиональных нагрузок, Оскар жил буквально нарасхват.

Никич принадлежал к феноменальной породе творческих вопрекистов, что двигают жизнь. Плата за сей образ жизни — ежедневные психологические перегрузки. Между тем Оскар упорно повышал планку преодоления.

Если приходил в гости, то, шутя и играя, умудрялся что-нибудь обязательно починить, поправить, восстановить. Даже в застольях у друзей Оскар так остроумно и непринужденно ухаживал за всеми, что своей виртуозной изысканностью превосходил самих гостеприимных хозяев.

Талант прекрасного рисовальщика множили поющие руки Никича. Так, в наших курсовых и дипломных работах Оскар с чарующей изобретательностью осуществлял работу художника, декоратора и мастера-изготовителя уникальных изделий. Он собственноручно творил нимб для Иисуса Христа, придумывал «струящихся ласточек»,

что зависали над балконом киногероини. Неповторим был его призрачно-невесомый Дон Кихот, созданный будто единым росчерком из мотка алюминиевой проволоки.

Художнический дар, как и лучшие качества души, он унаследовал от своих родителей-живописцев — Анатолия Юрьевича Никича и Елены Оскаровны Лещинской. Оскар словно был пронизан таинственными мирами мудрой печали и стойких надежд, что скрыты в полотнах его отца, и лучащимся многоголосьем мгновений счастья, запечатленных Еленой Оскаровной в танцующих букетах, лицах детей, вырвавшихся из снежного плена деревьев.

Недавно ушла из жизни блистательный режиссер-монтажер и удивительный педагог Татьяна Сергеевна Лихачева. Оскар Никич — единственный из многочисленной команды ее лю-

бимцев (выпускников Высших режиссерских курсов), более четверти века «легко и ненавязчиво» помогал одинокой Татьяне Сергеевне до конца ее дней.

Даже редкие недостатки Оскара зачастую оборачивались в достоинства. Так, его ненасытная страсть к улучшению сделанного (будь то сценарий, пьеса, монтажный ряд) могла заставить полезть на стенку любого соавтора или сотрудника. Но в результате такая настырность приносила удивительные плоды.

И еще Никич, как никто, умел терпеть, прощать и держать удары.

Во многом отражением личности человека является его дом. В дни праздников от голосов прибывавших гостей начинали дышать и двигаться на стенах гирлянды рисунков: сначала детей, а потом и внуков Оскара... В их карнавал с поразительной органикой вплетались всякого рода «поделки-пустяковины» и самого Никича.

Неугомонным рыжим апельсином нырял под стол трехлетний сын Кешка, чтобы устроить сюрпризы для гостей. А через четверть века неотразимым грузом энергии выныривал из-под стола... уже трехлетний сын Кешки — оранжевый Ваня. И каскад телефонных звонков. Из Германии, Польши, Соединенных Штатов, из всех точек бывшей и настоящей России...

Праздник длился нескончаемо и... моментально. Последним рисунком-импровизацией Оскара для трехлетнего внука Ивана стала циркачка Фрикассе, мчащаяся верхом на колесе.

Так и он умчался от нас. Этот человек-радуга, сиянием которой согревались наши души. А заветом, дарующим надежду, остались стихи Оскара Никича, написанные «под настроение», 2 февраля 1989 года, за десять лет до ухода...

— Когда я стану маленьким и твердым, Не верьте — это только мой каркас. А настоящий я — что в памяти у вас, Остался теплым, радостным и гордым.

Пахнет ли вдруг жарой,
Иль талою водою,
Иль брызнет поутру
веселый солнца свет —
Улыбкою и сном вы связаны со мною.
Я веткой вам махну,
чтоб передать привет.

Александр КУЗНЕЦОВ,
Член Союза писателей России

Как всегда, Оскар помогает. Я просто уверен, вне мистики, а, скажем так, в сверхреальности, что это он мне и посоветовал сейчас: посмотри письма и тебе будет проще в этом грустном и трудном деле: вспоминать и записывать.

Ни один человек на свете не дал мне лично столько поддерживающих, положительных эмоций — совершенно не словесно, а только даже присутствием рядом, как Оскар.

Когда умер его отец — один из классиков живописи, Анатолий Юрьевич Никич, Оскар открыл большую и замечательную выставку работ отца. Это очень непросто. Когда умер мой близкий человек, Оскар был первый, кто пришёл ко мне с помощью.

Другие напишут больше о его расположенности к людям, священном товариществе.

Мне кажется, у Оскара было две радости:

1. Всеобщая гармония.

2. Которой он не верил.

Зазор между двумя этими послылками, может быть, и заполнял он, как пчела под солнцем и дождем, ежедневно, жизненно-биво и несколько иронично, тяготея к принципам первой послылки и сострадательно приглядываясь ко второй.

У него была четкая и высокая планка самостоятельности. Как я понимаю, он вообще в своей жизни действовал только и именно так, как хотел.

Не забуду замечательную историю с самовыдвижением. Когда засветило солнце демократии, Союз кинематографистов выдвинул свой список, санкционированный сверху, чтобы представить несколько деятелей кинематографии — они должны стать депутатами. Была издана брошюра с именами кандидатов и их программами, они сами выступали в Белом зале перед кинематографическим сообществом, окрылённым тогда новыми идеалами.

Неожиданно вышел Оскар, встал, волнуясь (это было видно), на трибуну и сказал: я хочу внести мою кандидатуру в список, я хочу быть депутатом, участвовать в принятии государственных решений.

Все озадаченно промолчали. Кто-то поленился подумал: «кому это выгодно?», кто-то просто не понял, что бы это значило. Вернее, не понял самого главного: некто говорит сам по себе, сам за себя, так, как считает нужным. Без списка.

Так хотел — так поступил.

И, мне кажется, оборвавшись так вдруг, жизнь его была пробой на правильность жизни, на расклад карт: если всем по-честному, то как будем играть? Или сами правила игры тогда изменятся? И это была одна из немногих попыток такой игры. Это не камни в какие-нибудь огороды, а грусть.

Тяжёлый, но доставивший много радости проект «Сокровенные люди», который он придумал и провёл от начала до конца, был ему абсолютно соответствен: участвуют, работают, идут к общей цели — все! И пятьдесят сюжетов, снятых в разных местах, во всех регионах России, собираются в хороводе, где соединяются истории десятков людей — живущих и уже нет, где открываются судьбы и свершившиеся, и затоптанные, где само житье-бытье говорит за себя. Но в это он требовал непременно вносить интонацию: ради жизни! Он верил — то упрямо, то весело — в самоорганизующиеся основы жизни, в то, что добро отзовется добром, а злом можно пренебречь.

Вот один стих из его письма:
Год проскакал.

Еловой хвоей
Опять усыпан тротуар.
Волшебник нюхает нагар
Свечной.

И кажется покоем
Ночная темь.

И всё на свете
Затихло,

как пейзаж в окне.
И улыбаются во сне

Сыны, волшебников дети.
И звёзды

тихим хороводом
Подсматривают за рукой,
Приписывающей: «С новым годом!»...

Мир — людям.
И мирам — покою.

Владимир ГОЛОВАНОВ,
сценарист